

— Хм, — она сделала паузу, и на ее изящном лице появилась легкая усмешка. — Что еще?

Неожиданный вопрос дочери на мгновение ошеломил Вэньжэнь Юэ.

Она смотрела на дочь, на ее насмешливую улыбку, и чувствовала, как гнев внутри нее, словно под воздействием холодной воды, начал угасать.

Вэньжэнь Цин спокойно смотрела на нее, взяла стул и медленно поставила его на пол, произнося каждое слово четко:

— Ты хочешь послушную и милую дочь, которая будет скрывать твое прошлое, твою слабость и стыд.

Каждое слово было как ледяной клинок, вонзающийся в сердце разгневанной Вэньжэнь Юэ.

Она отступила на шаг, лицо ее побледнело, а губы слегка задрожали.

Дочь, Цинцин, она действительно так думает о ней?

Увидев реакцию матери, Вэньжэнь Цин наконец моргнула, словно бабочка, готовящаяся взлететь.

— А ты когда-нибудь задумывалась, чего хочу я?

— Ты не хочешь меня как дочь. Но и я не хочу тебя как мать.

Последние слова были произнесены тихо и спокойно, но они ранили сильнее, чем любая критика.

Эти простые слова, лишённые эмоций, заставили Вэньжэнь Юэ содрогнуться.

Они были не теми словами, которые мог бы произнести ребенок.

Почему? Зачем? Как она смеет так со мной разговаривать?!

Лицо Вэньжэнь Юэ, покрытое слоем макияжа, исказилось от ярости:

— Ты не хочешь, чтобы я была твоей матерью? Ха, каждый раз, когда я вижу тебя, вижу твое лицо, такое же, как у твоего отца, я напоминаю себе, что ты моя дочь, а не мой враг! Я заставляю себя быть к тебе доброй! Но ты думаешь, мне легко? Ты думаешь, я счастлива каждый день? Я делаю это для тебя, ты понимаешь?

Мужчины, их происхождение, богатство — разве это может быть стабильнее, чем умения, приобретенные годами учебы и труда?

Нет.

— Ты так со мной разговариваешь, ты осмелилась так со мной разговаривать! Хорошо, хорошо, ты настоящая дочь своего отца. В твоих жилах течет его кровь, символ его предательства. Я всегда знала, что ты похожа на него. Ха... Ха-ха-ха, — Вэньжэнь Юэ закинула голову и засмеялась, звук ее смеха был нервным.

Она вспомнила все, что так старалась забыть.

Этот ребенок был оставлен тем мужчиной, в его жилах текла кровь предателя.

Он ушел, но ребенок остался.

Он постоянно напоминал ей, как Вэньжэнь Юэ, когда-то блиставшая в Сянчэне, внезапно упала с высоты и стала посмешищем для всех вокруг.

Она искренне любила этого мужчину, безоговорочно верила ему и даже пыталась ввести его в высшее общество.

Но чем он ответил ей?

Предательством! Насмешками! Жалостью окружающих!

Она должна была всю жизнь терпеть эти взгляды! Ее жизнь была запятнана, она больше не была той гордой и уверенной в себе девушкой.

Но почему?

Этот мужчина был бессердечным и бесчувственным, но почему она должна страдать за это?!

Вэньжэнь Юэ погрузилась в свои мрачные мысли, тяжело дыша. Она присела на корточки, схватившись за волосы, выглядела взволнованной и растерянной.

Сяо Цуй была шокирована происходящим:

— Госпожа... Мисс? — она посмотрела на Вэньжэнь Цин, затем на госпожу, не зная, что делать.

Вэньжэнь Цин смотрела на мать, присевшую перед ней, и ее пальцы слегка дрожали.

С самого детства она считала мать недостижимой и полной ненависти. Она была как вулкан, готовый взорваться в любой момент.

Она думала, что мать непоколебима.

Но сейчас, видя ее перед собой, она вдруг поняла, что мать тоже слаба и беспомощна, даже более несчастна, чем она сама.

В комнате воцарилась тишина, никто не говорил ни слова. Сяо Цуй вздохнула с облегчением, радуясь, что не принесла молоток.

Вэньжэнь Юэ вдруг встала, слегка пошатнувшись, схватила телефон и с силой бросила его в окно.

Она повернулась к дочери, в глазах ее читалась непреклонность и торжество.

Ты осмелилась перечить мне из-за телефона? Но ты все равно его потеряла!

Но дочь лишь молча смотрела на нее, не произнося ни слова.

В сердце Вэньжэнь Юэ должна была появиться капля удовлетворения.

Но, встретив взгляд дочери, она почувствовала странное беспокойство, которое невозможно

было выразить словами.

Как будто она разбила что-то важное, что уже нельзя восстановить, и теперь сожалеет.

Но о чем ей жалеть? Она не сделала ничего плохого.

Она делала это ради дочери!

Вэньжэнь Юэ повторяла это себе снова и снова, сохраняя холодное выражение лица, и ушла.

Телефон, брошенный с третьего этажа, разбился вдребезги.

Вэньжэнь Цин сжала губы, спустилась вниз и нашла телефон с треснувшим экраном.

Она нажала кнопку включения, словно делая что-то, зная, что это бесполезно, но все же надеясь.

Телефон не реагировал.

Сегодня она не дожидается «спокойной ночи» от маленькой Сюнь.

В семье Цзи была традиция смотреть телевизор перед сном.

Чжу Пэйсянь любила смотреть популярные семейные драмы, где все персонажи были переполнены эмоциями, а сюжеты пестрили мелкими ссорами и хаосом.

Однако главные герои всегда оставались невероятно добрыми, почти святыми.

Чжу Пэйсянь, смотря сериал, комментировала и говорила Сюнь:

— Видишь, доброту часто используют против тебя. Быть добрым — это хорошо, но нельзя позволять злым людям использовать это против тебя. Сюнь, если у тебя будут проблемы, не скрывай их, как эта девушка в сериале. Мы с папой будем очень переживать.

Цзи Минлянь кивнул.

Характер их дочери был слишком мягким, и они беспокоились, что она может пострадать из-за этого. Иногда перед сном они обсуждали, станет ли она сильнее, когда вырастет.

— Поняла, — Сюнь покорно кивнула.

Ей вдруг стало грустно.

С тех пор как она оказалась в этом мире, любовь, которую ей дарили эти родители, ничем не уступала той, что она получала от своей семьи в прошлом.

Но именно это и огорчало ее.

Она рано или поздно уйдет, вернется обратно. Этот мир не принадлежит ей, и она даже не знает, что станет с ним, когда она уйдет.

Второстепенная героиня в ее глазах была воплощением силы и спокойствия. Ей вдруг захотелось поговорить с Цинцин.

Она умылась, взяла кукол, выигранных сегодня, и собиралась лечь спать, когда матушка Ван

остановила ее:

— Мисс, эти игрушки еще не постираны, они грязные, на них микробы. Дай их мне, я постираю и высушу, а ты уже потом будешь с ними играть.

Матушка Ван держала в руках огромного плюшевого медведя, пытаясь обменять его на кукол.

Сюнь колебалась несколько секунд, но затем разжала руку:

— Хорошо. Спасибо, матушка Ван.

Эти вещи подарила Цинцин, и Сюнь очень их ценила.

Она нажала на кнопку голосового вызова, но телефон звонил долго, и никто не ответил.

Сюнь моргнула, посмотрела на время.

Девять часов. Цинцин уже спит?

Она смотрела на телефон своими круглыми глазами, но он оставался безмолвным. Видимо, Цинцин действительно спит.

Обычно, когда она отправляла сообщения, Цинцин отвечала быстро, даже если это было просто «угу».

— Сюнь! Сюнь! — позвала Чжу Пэйсянь из-за двери.

Сюнь тут же села на кровати:

— Мама, что случилось?

Чжу Пэйсянь поманила ее:

— Иди сюда, помоги мне выбрать что-то из каталога.

Одежда семьи Цзи часто шилась на заказ в нескольких ателье.

Один из магазинов прислал новый каталог, и Чжу Пэйсянь хотела выбрать цвета и фасоны для себя и дочери.

Раньше она сама выбирала одежду для дочери, но теперь, когда Сюнь стала более самостоятельной, она решила дать ей право выбора.

Сюнь подбежала и села рядом с мамой, внимательно изучая каталог.

Ее глаза загорелись.

Ей очень нравилась эта ткань. В прошлой жизни, даже поступая в университет, она выбрала управление бизнесом, как советовали родители и брат.